

A close-up photograph of a man and a woman. The man, on the left, has dark hair and a beard, and is wearing a black leather jacket. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is also wearing a black leather jacket. They are both looking towards the camera with serious expressions. The background is blurred, suggesting an indoor setting.

Роман Тихонов

*Право
на
любовь*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Тихонов

Право на любовь

<https://litres.ru/74034791>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она ловит преступников. Он — убийца. Их первая встреча — допрос. Вторая — поцелуй в гараже. Третья — перестрелка, больница, побег. У них нет будущего. У них нет права любить. Но они всё равно выбирают друг друга. Потому что иногда справедливость — это не закон.

Роман Тихонов

Право на любовь

Кабинет следственного отдела пах пылью, старым кофе и чем-то ещё — то ли потом задержанных, толи безысходностью. Вера Соболева вдохнула этот запах полной грудью и чуть не закашлялась.

Двадцать два года. Только что из академии. Коробка с дипломом всё ещё стояла в прихожей её съёмной квартиры, потому что Вера не знала, куда её деть. Повесить на стену? Стыдно. Выбросить? Рука не поднималась.

— Соболева, твой стол — вон тот, у окна. Не вздумай его расчищать, всё равно через час снова завалят.

Майор Максим Орлов говорил, не оборачиваясь, и кидал на её будущую территорию стопку жёлтых папок. Ему было двадцать семь, он работал здесь четвёртый год и уже успел получить лёгкую хромоту после неудачной погони и репутацию «человека, который не лезет за словом в карман».

— А вы мой напарник? — спросила Вера, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он наконец повернулся. Светлое лицо, короткий ёжик русских волос, серые глаза с каким-то въевшимся недоверием ко всему живому. Смерил её взглядом с ног до головы — туфли на низком каблуке, брючный костюм не по размеру, волосы собраны в строгий пучок.

— Я твой ангел-хранитель, — сказал он без улыбки. — Или тот, кто будет подписывать твои рапорты, когда ты вяпаешься. Пошли, труп.

Первое дело, в которое она попала, не было даже делом. Так — оформление. Мужчина, пятьдесят лет, инфаркт в собственной ванной. Никаких следов насилия. Вера аккуратно заполняла протокол, пока Максим стоял в дверях и курил (внутри помещения нельзя, но он делал вид, что не знает).

— Слушай, — сказал он, когда они сели в служебную машину. — У тебя есть парень?

Вера покраснела до корней волос.

— Это вопрос в рамках аттестации?

— Нет. Это вопрос, потому что через месяц ты будешь либо спать со мной от бессилия, либо убежишь из органов в кондитеры. Я хочу знать, к чему готовиться.

Она сжала ручку и промолчала.

Максим усмехнулся и завёл двигатель.

Дни потянулись однообразной чередой. Угон, кража, драка в баре, снова кража. Вера чувствовала, как её блестящее академическое образование трещит по швам под напором реальности. Реальность была пьяной, грязной и несправедливой.

Максим учил её быстро.

— Не смотри на них как на людей, — говорил он, кивая на очередного задержанного, который рыдал в коридоре. — Смотри как на набор фактов. Что сделал? Где? Зачем?

Остальное — не твоя боль.

Вере было действительно больно. Она видела в каждом этого рыдающего мужчину, которого когда-то любили. Она видела детей в квартирах, где родители буянили под воздействием дешёвого алкоголя.

— Отвыкнешь, — обещал Максим.

Он был к ней внимателен — странным, жёстким вниманием. Поправлял её рапорты, приносил кофе без просьбы (слишком сладкий, Вера предпочитала горький, но благодарно пила). Однажды, когда свидетель попытался ударить её в кабинете, Максим перехватил руку так быстро, что Вера даже не успела испугаться.

— Не вздумай, — тихо сказал он тому мужчине, и тот сел на стул и замолчал.

После этого случая Вера задержалась в отделе допоздна — переписывала показания. Максим остался с ней «на всякий случай». Сидел за своим столом, листал что-то в телефоне.

— Максим, а почему вы до сих пор один? — спросила она неожиданно даже для себя.

Он поднял голову, прищурился.

— Потому что я не верю в любовь до гроба, Соболева. Верю в удобство и отсутствие истерик. А ты?

Она пожала плечами.

— Я ещё не знаю.

— Узнаешь. Скоро.

И в этом «скоро» прозвучало что-то, отчего Вере захоте-

лось выйти из кабинета. Не потому что страшно. Потому что Максим смотрел на неё как на вещь, которую он уже рассмотрел на витрине и решает, брать или нет.

Она встала и ушла первой.

Через две недели им дали убийство.

Мужчина, тридцать пять лет, найден в лесополосе за городом. Три ножевых ранения в грудную клетку. Ни документов, ни свидетелей. Лицо изуродовано — кто-то специально разбил ему нос и выбил зубы.

Вера смотрела на тело и не могла отвести взгляд. Не от страха. От странного, почти болезненного любопытства.

— Кто это сделал? — спросила она у пустоты.

— Найдём, — ответил Максим. — Такие всегда оставляют следы. Эмоции или кровь. Или то и другое.

Она кивнула и начала работать.

Отрабатывали связи убитого неделю. Выяснили, что его звали Геннадий Шве́ц, он был мелким бизнесменом, торговал детскими игрушками на рынке. Ни долгов, ни врагов. Жена сказала — «не знаю, за что его убили, он был хорошим человеком». Сын, десять лет, плакал и говорил, что папа иногда уходил из дома ночью, но мама просила не рассказывать.

— Копни-ка этого Швеца глубже, — сказал Максим Вере. — Что-то здесь не так.

Вера копнула.

И нашла.

В старых базах, среди закрытых дел, в архиве, куда её пустили только потому, что она была новой и надоедливой, — фамилия Швеца всплыла семь лет назад. Подозревался в развратных действиях в отношении несовершеннолетнего. Дело закрыли за недостатком доказательств. Швец тогда отмазлся.

Вера смотрела на экран и чувствовала, как внутри холодеет.

Если убитый оказался педофилом, то кто его убил? Кто-то, кто знал? Кто-то, кто мстил?

Она не стала ничего говорить Максиму. Сама пока не поняла почему. Просто сохранила файл на флешку, убрала в карман и сказала себе: «Потом. Разберусь сама».

В ту ночь она не спала. Ворочалась, вставала пить воду, смотрела в тёмный потолок. И в какой-то момент поймала себя на мысли, что хочет увидеть того, кто это сделал.

Не как следователь.

Как женщина.

Она зажмурилась и прогнала эту мысль.

Но мысль вернулась.

И осталась.

Они нашли его быстро.

Вера сидела в машине с Максимом и просматривала ориентировки, когда диспетчер вызвал их на окраину города — в старый гаражный кооператив. Сообщение было скудным: мужчина, задержан местными за драку. Ничего криминаль-

ного, но участковый попросил проверить.

Максим выругался — не хотел тащиться в такую даль. Вера, наоборот, почувствовала странную острую ноту внутри. Как перед экзаменом. Или перед свиданием, которого боишься, но на которое всё равно идёшь.

Гаражи встретили их запахом горелой резины и бензина. У ржавого «газика» стоял участковый дядя Вася и держал под руку мужчину. Тот был высоким, худым, в чёрной куртке на молнии и выцветших джинсах. Лицо — скуластое, с лёгкой небритостью, глаза тёмные, почти чёрные. Он не вырывался. Стоял спокойно, опустив руки.

— Чего случилось? — спросил Максим, вылезая из машины и поправляя кобуру.

— Да утихомирить не могли, — ответил участковый. — Сидел в заброшенном боксе, я подошёл проверить — он как даст в морду. Но быстро остыл. Документов нет. Назвался Андреем, фамилию молчит.

Вера вышла из машины и встала так, чтобы видеть лицо задержанного. Он перевёл взгляд на неё — и остановился.

Никогда раньше она не чувствовала на себе такого взгляда. Не злого. Не оценивающего. Как будто он видел не её форму, не погоны младшего лейтенанта, не её неуверенность. Видел что-то под кожей.

— Свободен, — сказал Максим участковому. — Соболева, оформляй.

Она подошла ближе. Он не отвёл глаз.

— Андрей... как вас по отчеству?

— Просто Андрей, — голос низкий, хрипловатый, как будто долго молчал.

— Придётся проехать с нами в отдел, — сказала Вера ровно, хотя внутри трясло. — Для установления личности.

Он кивнул. Ни тени страха, ни нервозности. Спокойствие человека, которому уже всё равно.

Максим повёл его к машине. Когда Вера открыла заднюю дверь, Андрей на секунду замер и посмотрел на неё снова. Тихо, одними губами, спросил:

— Вы же понимаете, что я не за драку?

Она не ответила. Сердце ухнуло в пятки.

В отделе он сидел в кабинете для допросов — обычная комнатуха с голыми стенами, металлическим столом и двумя стульями. Максим решил, что Вера покажет себя: «Поговори с ним сама, я посмотрю через стекло».

Вера закрыла дверь, села напротив, положила перед собой чистый лист и ручку.

— Расскажите про драку.

Андрей откинулся на спинку стула. В полутьме его лицо казалось вырезанным из дерева — жёсткое, с глубокими тенями под скулами.

— Не было драки. Я сидел в гараже. Участковый подошёл — я испугался, толкнул его. Виноват.

— Почему испугались?

Пауза. Он опустил взгляд на её руки — Вера заметила, и

от этого стало не по себе. Она инстинктивно спрятала пальцы под стол.

— Я без документов. Бомжую. Думал, в отдел заберут.

— А вы не бомжете, Андрей.

Он поднял глаза. Усмехнулся — криво, без тепла.

— Откуда знаете?

— У вас чистые руки. И вы говорите правильно, без мата.

— Следил за собой. Старая привычка.

Вера поняла, что врёт. Но не могла уловить, в чём именно.

— Андрей, вы кого-нибудь боитесь?

Он молчал долго. Так долго, что Вера уже хотела повторить вопрос. Потом сказал:

— Себя.

Это слово повисло между ними. Вера не знала, что на него ответить. За стеклом, наверное, Максим крутил пальцем у виска.

— Я могу идти? — спросил Андрей.

— Через час, когда участковый напишет, что претензий не имеет.

Он кивнул и закрыл глаза. Прямо на стуле, прикованный наручником к столу. Заснул? Или делал вид? Вера смотрела на его лицо — расслабленное, почти беззащитное — и чувствовала, как внутри разрастается что-то запретное.

Жалость? Интерес?

Желание коснуться его щеки, чтобы проверить — живой ли.

Она вышла из кабинета, чтобы не наделать глупостей.

Максим ждал её в коридоре, прислонившись к стене.

— Ну что? Бомж, псих, или кто?

— Не знаю, — честно ответила Вера. — Отпустим.

— Легко.

Максим уже повернулся уходить, но замер и бросил через плечо:

— Слушай, Соболева. Ты на него странно смотрела.

— Как?

— Как баба на мужика. Не надо так. Он чужой. И, возможно, небезопасный.

Вера ничего не ответила.

Через час они отпустили Андрея. Он вышел на улицу, где уже темнело, и Вера, стоя у окна на втором этаже, видела, как он достал из кармана пачку сигарет, закурил и, не оборачиваясь, пошёл в сторону гаражей.

Она запомнила его походку — плавную, почти кошачью. И то, как он скрылся в темноте.

В ту ночь Вера снова не спала. Она достала флешку с архивным делом Швеца, перечитала показания. Семь лет назад была только одна свидетельница — девочка, двенадцать лет. Она говорила, что «дядя Гена трогал её в машине». Дело закрыли, потому что родители девочки забрали заявление. Вероятно, за деньги.

— Ублюдок, — прошептала Вера в пустоту.

И поняла, она отыщет доказательства. Даже если для это-

го придётся предать всё, чему её учили.

Спустя неделю Вера встретила с ним снова. Она просто села в машину после смены и поехала в те гаражи. Не думая. Не планируя. Как будто кто-то вёл её за руку.

Было уже темно. Фонари не горели, луна пряталась за тучами. Вера свернула между рядами ржавых боксов, заглушила двигатель и посидела минуту, слушая, как колотится сердце. «Ты дура, — сказала она себе. — Приехала неизвестно куда, к неизвестно кому. Он может быть кем угодно».

И всё равно вышла из машины.

Она нашла тот бокс по запаху — слабый дым, дешёвые сигареты, ещё что-то горькое. Дверь была приоткрыта, внутри горела тусклая лампа, подвешенная на проводе.

— Есть кто? — спросила она в темноту.

Тишина. Потом шорох, шаги. Из глубины гаража вышел Андрей. На нём была та же чёрная куртка, но расстёгнутая, под ней — серая футболка, вытертая на вороте. Он смотрел на неё без удивления. Как будто ждал.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, Андрей. Можно войти?

Он отступил на шаг, пропуская. Вера вошла — и сразу попала в чужой, странный мир. Стены гаража были оббиты чёрным полиэтиленом. В углу стояла раскладушка с тонким матрасом, рядом — табурет, на нём кружка, пачка сигарет, зажигалка. Чисто. Аскетично. Как камера, которую человек обжил намеренно.

— Ищете что-то? — спросил он, садясь на раскладушку и жестом предлагая ей табурет.

Вера не села. Осталась стоять, скрестив руки на груди.

— Вы убили Геннадия Швеца.

Не вопрос. Утверждение.

Андрей не дрогнул. Только выдохнул медленно, опустил голову и посмотрел на свои руки. Большие, жилистые, с твёрдыми пальцами. Руки человека, который умеет работать — или убивать.

— Зачем вы здесь? — спросил он тихо.

— Хочу знать правду.

— Зачем *вам* правда? Вы следователь. Ваша работа — ловить, сажать. А не приходить по ночам в гаражи.

Вера шагнула ближе. Метр между ними. Теперь она видела его лицо при свете лампы — усталое, заострившееся, но красивое той болезненной, опасной красотой, которая не отпускает.

— Я нашла закрытое дело, — сказала она. — Швец был педофилом. Его обвиняла девочка, но родители забрали заявление. Вы знали это?

Андрей молчал. Вера чувствовала, как воздух между ними становится плотным, почти осязаемым.

— Вы убили его за это? — спросила она. — За девочку?

— За девочку, — ответил он после паузы. Голос сел. — За мальчика. За другого. За многих. Не важно.

— Почему вы не сдались сами? Не пришли в полицию?

Он усмехнулся — горько, без веселья.

— В полицию? Которая закрыла дело? Которая дала ему ходить свободным семь лет, пока он... — Андрей замолчал, сжал челюсть. — Нет. Я не верю в вашу справедливость.

— А в меня? — спросила Вера. И сама испугалась того, как это прозвучало.

Он поднял голову. Встретил её взгляд. И в тёмных глазах мелькнуло что-то, отчего у Веры пересохло в горле.

— Не знаю, — сказал он честно. — Ещё не понял.

Тишина. Вера слышала его дыхание, ровное, глубокое. Слышала, как на крыше гаража шуршит ветер, как где-то далеко лает собака. И вдруг поняла, что хочет прикоснуться к нему. Просто дотронуться до его руки, чтобы убедиться, что он настоящий.

— Я помогу вам, — сказала она.

Андрей нахмурился.

— Зачем?

— Потому что вы не преступник. Вы — мстите. Это другое.

Он резко встал. Теперь между ними не было метра — несколько сантиметров. Вера почувствовала жар его тела, запах кожи и табака. Он смотрел сверху вниз, и она видела, как напряжены его плечи.

— Вы ничего не знаете обо мне, — сказал он глухо. — Три удара ножом. Я смотрел, как он умирает. И мне не было жалко. Вы можете это принять?

— Я могу, — сказала Вера, хотя голос дрожал.

— Почему?

Потому что она думала о той девочке, двенадцати лет, которую никто не защитил. Потому что она думала о мальчике, которого Швец, возможно, трогал после того, как дело закрыли. Потому что она сама, в свои двадцать два, уже видела достаточно, чтобы ненавидеть бездействие системы.

— Потому что кто-то должен вас защитить, — сказала она.

Андрей медленно поднял руку. Коснулся её щеки — кончиками пальцев, холодными и шершавыми. Вера не отстранилась. Сердце колотилось где-то в горле, лёгкие отказывались дышать.

— Дура, — сказал он почти нежно. — Влюбиться в убийцу. Хороший способ сломать себе жизнь.

— А вы сломаете мне жизнь? — спросила она шёпотом.

Он не ответил. Вместо этого шагнул к ней, взял за плечи, Вера не чувствовала ничего, кроме его рук. Андрей прижал её к стене гаража, стена была холодной, а его губы — горячими.

Поцелуй был медленным, почти неумелым. Он словно боялся сделать ей больно. Вера запустила пальцы в его волосы — короткие, жёсткие, пахнущие дымом. Он выдохнул её имя, и этот выдох обжёг ей щёку.

— Вера, — повторил он. — Ты уверена?

Вместо ответа она потянула его за ворот футболки, при-

жалась ближе. Сквозь тонкую ткань рубашки чувствовала жар его тела. Андрей дрожал — крупная дрожь, которую невозможно было скрыть.

— Я никогда не был с... — начал он и запнулся. — Никогда не был с женщиной, которая знает, кто я. И не боится.

— А я никогда не была с убийцей, — ответила она. — Видишь, у нас обоих первый раз.

Он усмехнулся, но в глазах была серьёзность. Потом опустился на колени и медленно, замирая на каждой пуговице, расстегнул её блузку. Вера прикусила губу, когда его пальцы скользнули по животу. В гараже было холодно, но внутри всё горело.

— Можно? — спросил он, коснувшись губами её ключицы.

— Да, — выдохнула она.

Он целовал её плечо, спускаясь ниже, к груди, обводил языком сосок, а второй рукой сжимал её талию. Вера вцепилась ему в плечи, запрокинула голову, стукнувшись затылком о шлакоблок — больно, но не важно. Важно было только то, как его губы двигались по её телу, как его дыхание сбивалось, когда она провела ногтями по его спине.

— Не здесь, — прошептал он.

Она кивнула, и он подхватил её на руки — легко, будто ничего не весила. Отнёс на раскладушку, укрытую старым одеялом, и опустился рядом.

— Я не умею нежно, — признался он, глядя в потолок. —

Я умею только жёстко. Как на войне.

— Учись, — сказала Вера и сама накрыла его губы поцелуем.

Он учился. Долго, со странной благодарностью в каждом движении. Сначала просто гладил её по волосам, потом осторожно снял с неё остатки одежды, потом прижался всем телом — и Вера почувствовала, как он твёрд и горяч даже сквозь джинсы.

Он вошёл в неё медленно, замирая на каждом сантиметре, спрашивая глазами: «можно?». Она кивала, и он двигался дальше. Ритм был рваным — он то ускорялся, то почти останавливался, боясь кончить слишком быстро. Вера обхватила его ногами, притянула ближе.

— Не останавливайся, — прошептала она.

Он не остановился. И когда она закричала — от удовольствия, а не от боли — он зажал ей рот ладонью, но сам застонал, уткнувшись лицом в её шею.

Потом лежали молча. Вера чувствовала, как его сердце колотится, прижавшись грудью к её спине. Он обнимал её, укрывая от холода своим телом.

— Это было... — начал он и не нашёл слов.

— Да, — согласилась она.

Через час она ушла. Но теперь между ними было не просто обещание. Было то, что нельзя отменить.

После визита в гараж Вера жила как натянутая струна. Днём — отдел, Максим, бумаги, стандартные выезды. Ночью

— архивы, старые компьютеры, заброшенные базы данных. Она искала всё, что касалось Геннадия Швеца, и находила слишком много для одного «мелкого бизнесмена».

Швец владел тремя точками на рынке, но деньги текли совсем не от игрушек. Вера нашла счета, переписку на закрытых форумах, намёки на «выездные мероприятия» с детьми. Он не был один. Он был частью чего-то большего.

«Клан», — прошептала она однажды ночью, глядя в экран. — «Их целый клан».

Она не знала, кому можно верить. Система, которая закрыла дело семь лет назад, была той же самой, в которой она работала сейчас. Начальник отдела — пожилой полковник, который пожимал руки нужным людям. Максим — который всегда знал чуть больше, чем говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.